

ГЛАВА 1

Глаза неожиданно распахнулись. Прервалось «состояние, похожее на сон» — как он мысленно окрестил эти нашествия кошмаров и тоскливых видений. Организм в такие часы почти не отдыхал. Зрение обретало резкость, и вместо каши в голове появлялись ясные мысли. Обстановка не менялась. Он лежал на дощатых нарах, на которых лежали матрас и худая подушка. Крохотная камера-одиночка в изоляторе НКВД города Кингисеппа — стены в разводах, потолок с засаленной лампой, которую включали, когда не нужно. В проржавевшей двери было прорезано оконце — для подачи пищи и наблюдения за арестантами. В углу находилось крытое фанерой отхожее место — в общем, удобно, но зловонно, неэстетично и лишний раз не погуляешь. Выводили только на допрос.

Узник приподнялся, сел на нары. Ныли кости, болела ссадина на виске — результат вчерашней беседы со следователем. Сколько дней он здесь находился? Семь или восемь? Поначалу считал,

потом сбился. Еду доставляли нерегулярно, окна отсутствовали. Узник был сравнительно молод, ладно сбит, но продолжительный арест не прошел даром — взгляд потускнел, щеки обросли щетиной, скомкались светлые волосы. Форма капитана Красной армии (за исключением ремня и фуражки) превратилась в отрепья. Отрешенный взор уперся в стену, до которой можно было дотянуться рукой. Сухие губы хрипло бормотали:

— Я капитан Красной армии Хабаров Алексей Владимирович, сотрудник третьего отдела Смерша, двенадцатого года рождения, нахожусь в районном изоляторе НКВД города Кингисеппа... по обвинению в халатности, перетекающей в сговор с врагом и измену Родине... Сiju семь или восемь суток, сейчас предположительно утро... или день, нахожусь в здравом уме и ясной памяти...

Узник расслабился. Больше всего он боялся потери памяти, что является первым признаком умственного расстройства. Звоночки были: как-то после пробуждения он метался по камере, не мог вспомнить, где находится. Но сейчас все в норме. Что бы еще вспомнить? Не женат, родился в маленьком городке под Самарой — тогда еще не Куйбышеве; уже в сознательном возрасте переехал с родителями в Ленинград, отец преподавал, скончался в 38-м — не выдержало сердце; мама промучилась два года, заспешила к своему любимому Владимиру Михайловичу — просто зачахла от тоски. Грешно так думать, но, может, и к луч-

шему — не видели страшной блокады, унесшей сотни тысяч жизней... Еще что? Да, если фортуна повернется лицом (что маловероятно, но технически возможно), не забыть набить морду майору Дельцову — виновнику его ареста! Пусть и червато новым арестом, но сделать это нужно обязательно...

Лязгнула задвижка, и приоткрылось оконце. Узник вздрогнул, взгляд переместился на дверь. В оконце возникла заспанная физиономия охранника. Служивый смерил взглядом сидельца и закрыл окно, воздержавшись от комментария. Все знали, что арестант — сотрудник Смерша. И лучше помалкивать, мало ли что. Вряд ли выйдет, но... благоразумие, возвращенное на страхе, порой сильнее любви к родному социалистическому государству...

Взгляд вернулся на исходную точку. Значит, рано приглашать на допрос. На стене напротив кто-то нацарапал бранную тираду в адрес советской власти. Надзиратели проглядели. А возможно, им было плевать. На другой стороне — еще одно послание — коряво, с наклоном влево: «Товарищи, умираю, но не сдаюсь...» Какие только люди не сидели в этих стенах. Возникало странное ощущение, что многих из них можно было и не сажать...

Состояние «здравого ума» приходилось поддерживать. В том числе физическими упражнениями. Алексей поднялся, сделал разминку. Закружилась

голова, сел обратно. Но делать разминку надо — хоть до «стенки» добраться, но собственным ходом. Ясность в голове тоже приходилось тренировать. Он решал несложные математические задачи, вспоминал и проигрывал сценки из жизни. Белые ночи, Нева, секретарь районной комендатуры Алла Боярская, которую он любил, невзирая на больную маму и ребенка от первого брака. Алла погибла во время бомбежки — вместе с мамой и ребенком. Он вспомнил, как тупо смотрел на то, что осталось от тел, и в душу забиралась тоска... Ленинградский фронт, Волховский, снова Ленинградский, бешеная мясорубка в районе Ладоги, когда немцы пытались вновь заблокировать город. Два ранения, маета по госпиталям, перевод из дивизионной разведки в новообразованный Смерш. В тылу орудовала целая сеть вредителей, фашисты не гнушались привлекать на свою сторону даже детей. Психика у них податливая, лепи, что хочешь, особенно если родители были кулаками, лавочниками или служили в Белой армии. В окрестностях Гатчины взяли банду малолеток, подбрасывающих взрывчатку в контейнеры с углем. Злобные волчата — жались друг к дружке, стреляли глазами, шипели, огрызались. А когда дошло, что это конец, стали обливаться крокодиловыми слезами. В советскую прессу такие факты не просачивались. От увиденного волосы вставали дыбом. Растерянные бойцы не знали, что делать с этими подарками. Расстрелять не поднималась

рука. Таких убьешь — потом всю жизнь являться во сне будут. Проводили воспитательные мероприятия — лупцевали солдатскими ремнями. Потом сдавали, куда положено, старались забыть эти заплаканные детские лица...

Первого февраля войска наступающего Ленинградского фронта освободили Кингисепп. Германское командование сосредоточило на западе Лен-области огромные силы: пять армейских корпусов 18-й армии Линдемана, 3-й танковый корпус, моторизованную бригаду СС «Недерланд». Но остановить Красную армию было невозможно. Освободили Лугу, Гдов, взяли плацдарм на берегу Чудского озера. Одну за другой громили дивизии противника. Пришло победное время — после череды отступлений и неудач. 42-я армия стремительно взламывала оборону. Под Кингисеппом, который штурмовали с нескольких сторон, взяли в клещи серьезную группировку, стали уничтожать ее артиллерией. Немцы яростно сопротивлялись — приказа отступить им не давали. Фюрер бился в припадках: удерживать Ленинградскую область до последнего солдата! Были уничтожены штабы армейских корпусов. В один из пунктов управления на окраине Кингисеппа, где находились генералы и штабные офицеры, прилетела дюжина тяжелых снарядов. В огне сгорела половина командования группировки. Опознать обгорелые тела не могли, но они, безусловно, радовали глаз. Оперативники контрразведки входили в город

на плечах пехоты, выявляли оставшихся диверсантов, хватали разбегающихся офицеров. Передышка была недолгой. Войска наступали к Нарве, и контрразведку перебросили в действующие части. Круглосуточно работали с перебежчиками, с «языками», доставляемыми разведкой, с разоблаченными шпионами, предателями и прочей нечистью... Но наступление стопорилось, войска несли потери. Немцы перебрасывали на фронт свежие части: пехотные дивизии, моторизованные дивизии СС «Нордланд» и «Фельдхернхалле». На западном берегу Нарвы был захвачен плацдарм. Но дальше наступление не пошло. Десант на побережье Нарвского залива потерпел неудачу. Установилось затишье — враждующие стороны были вконец измотаны. И все же 18-я армия вермахта потерпела поражение, противника отбросили от Ленинграда на 250 километров, и никакого шанса вернуться ему не оставили...

В середине апреля капитан Хабаров со своими людьми вернулся в Кингисепп. Контузия, полученная при минном налете, подпортила здоровье. «Задумчивым становитесь, товарищ капитан, — подметил подполковник Васильев, подписывая приказ о переводе в тыл. — А надо меньше думать, больше работать». В тылу тоже было чем заняться. Лазутчиков в действующей армии было немного (постоянная ротация, смена дислокации), в тыловых же структурах они плодились как кролики. Клешни абвера тянулись в партийные и хозяй-

ственные структуры, в гарнизоны, в ряды Рабоче-крестьянской милиции. Случались ошибки, брали не тех — некомпетентных сотрудников тоже хватало. Но дела старались не фабриковать, реальный враг доставлял серьезные хлопоты. Целого полковника вермахта захватили под деревней Хмаровкой, в 15 километрах к западу от Кингисеппа. Местность болотистая, глухие леса. Отличилась тамошняя ребятня — засекли пацаны, что кто-то таскает в Черную топь продукты и одежду. Местечко гиблое, трясины. Красноармейцы проложили гать в топь. Там явно кто-то прятался. Бой был скоротечный. Половину окруженцев перебили, остальные сдались. Народ изумлялся — надо же, Робинзоны Крузо! Снег уже растаял, но было холодно. Люди, загнанные в начале февраля в болото, выживали как могли, слепили подобие глиняной избы, печку. Удивленным взорам предстали полковник Реслинг, бригада которого полегла неподалеку, пара штабных офицеров, солдаты, троица полицаев, не давшая этим заморышам помереть с голоду. За два с половиной месяца они превратились в леших — оборванные, бородатые, одетые непонятно во что. В избушке нашли рацию с практически севшей батареей. Данный факт должен был насторожить, однако не насторожил. Из Кингисеппа для конвоирования прибыла группа: трое контрразведчиков и столько же рядовых бойцов. Задание казалось пустячным, ведь действие происходило в глубоком советском тылу! Машина сломалась за деревней,

где стояла воинская часть. И даже это не насторожило! Плюс проклятая рация, по которой «робинзоны» явно вызывали помощь. Последняя явилась только сейчас — значит, раньше не было технической возможности. Все логично, бдительность на освобожденных территориях слабеет с удалением линии фронта. Возвращаться в деревню Хабаров не стал. Восемь верст — не крюк. В скоплении ивняка у пересохшей речушки группу поджидали. Диверсанты прибыли в штатском, увешанные оружием. Конвоиры полегли под проливным огнем, погибли оба сотрудника. Один из пленных офицеров получил ранение шальной пулей (впоследствии его добились свои же). Гауптман зарылся носом в землю, выжил. Алексей пинком отправил Реслинга в кусты — тот скатился по склону, сминая растительность, и остановился, врезавшись в пень. Алексей расстрелял все патроны в автомате, обе обоймы в «ТТ» и побежал, петляя, как заяц, увертываясь от пуль. Он попытался поднять оглушенного Реслинга, но тот потерял сознание и только мычал. Выбора не осталось — враг наседал. Бросаться на автоматы, имея первый юношеский разряд по боксу? Оберст не двигался, на затрещины не реагировал. Хабаров бросился в чащу — диверсанты уже подбегали. Их было человек шесть, говорили по-немецки. Капитан покатился по корням и муравейникам, пули сшибали ветки и только чудом не задевали его. Диверсанты одинокого офицера преследовать не стали, вернулись. Когда

Хабаров выбрался из чащи, Реслинга уже унесли. Боль в теле была невыносимой, но Хабаров шел за ними, подобрал автомат, что лежал рядом с телом мертвого красноармейца. Завыл от отчаяния, когда завелась машина, и бросился через кустарник. Грузовик уже уехал, проселок опустел. Акцию спланировали с умом, заранее подогнали машину. В кустах осталось тело мертвого обер-лейтенанта и пять тел из группы конвоя. Перехватить машину по свежим следам не удалось. Пока он добрался до ближайшего поста на дороге, ушло время. Зачем блокировать шоссе, если противник виртуозно использует проселочные дороги?! Диверсантов и след простыл, упорные поиски ни к чему не привели. Капитана Хабарова арестовали через день — прибыли на «эмке», предложили сдать оружие и следовать за ними. Опасения подтвердились — без майора Дельцова из следственного отдела дело не обошлось. Уж больно неласково все это время майор поглядывал на него. Работник был средний, пуль и взрывов боялся пуще холеры. Конкуренции и критики на дух не выносил. Любимые занятия — вылизывать зад начальству и фабриковать дела. Кому-то этот жалкий человек был нужен, раз отирался при штабе.

«Именем советского народа вы арестованы, гражданин Хабаров. Будем выяснять меру вашей ответственности». — Дельцов буквально лучился от счастья. Рождаются же такие! Он лично проводил допросы. Сначала все было пристойно,

соблюдали форму, рук не распускали. Версия о халатности их явно не устраивала, хотелось большего. Хабаров настаивал: даже на халатность его проступок не тянет! Действовали по инструкции, решение двигаться пешком явилось вынужденным. Да, возможно, он недооценил опасность... Допросы выходили на новый уровень, коллеги Дельцова проявляли фантазию и изощренность.

«Признавайтесь, гражданин Хабаров, вы вступили в сговор с вражескими шпионами и передали им точный маршрут следования конвоя».

«Кретины! — хрипел Алексей, уже получивший по затылку. — Что вы несете, фантазеры хреновы? Как я мог вступить в сговор, если все время находился рядом со своими товарищами? Вам знакомо такое понятие — физическая возможность? В штабе «крот», неужели не ясно? Он сливает за линию фронта ценные сведения, а вы ищете кого угодно, только не его!»

За «хреновых фантазеров» он получил отдельно. Следователь, науськанный Дельцовым, вошел в раж. Впрочем, по голове почти не били — осталась единственная отметина на виске. А вот по прочим местам разминались с удовольствием. Болели почки и печень, локти и колени. Когда бросали в камеру, терзало отчаяние, хотелось лезть на стенку, и мысль о самоубийстве уже не казалась возмутительной...

Все шло к логической развязке. Допросы с пристрастием будут учащаться, арестанта ломают.

И не таких ломали. Признательные показания он подписывать не будет, в чем признаваться? Но обойдутся и без них. Дело слепят, человека расстреляют, а «крот» продолжит свою работу... Мысль: они что, полные идиоты? — замещалась другой: они не идиоты, все понимают. Но лучше ведь искать не там, где потерял, а там, где светлее? На очередные скрипы он не реагировал. На этот раз отворилась дверь, охранник буркнул:

— На выход. Руки за спину, — и как-то спешно посторонился. Даже глаза смущенно отвел. Расстрелять решили — для устранения утомительной бюрократической волокиты? Зачем возиться, и так все ясно. Враг виден невооруженным глазом.

Он ничего не чувствовал, надоело все. Шел, прихрамывая, жалея, что из-за боли в коленях не может позволить себе идти упругой походкой. Странно, его не вывели на улицу, подняли выше, конвоир мотнул подбородком: заходи. За спиной захлопнулась дверь. Коренастый мужчина в форме полковника — с мясистым носом, с седой растительностью на голове, похожей на лишайник, — отвернулся от окна. Он тоже выглядел смущенным, но глаза не прятал. Помялся, словно хотел подойти к своему подчиненному, пожать руку, но не стал. Остановился посреди кабинета, покачал головой и неловко пошутил:

— Нас секут, а мы крепчаем. Извини, Алексей, плохая шутка. Ты отвратительно выглядишь.

— Согласен, товарищ полковник. Оздоровительный санаторий — через два квартала. Вы тоже будете раскручивать на измену? Считаете это нормальным?

— Перестань, — поморщился полковник Вышковец, заместитель начальника оперативного отдела контрразведки 42-й армии. — Никакой ты не предатель, это понимают все, и даже твои следователи. С преступной халатностью тоже сложно — не вижу в твоих действиях состава преступления. Все мы люди, а враги тщательно подбирают момент, когда мы наиболее уязвимы. В общем, садись и слушай. Получишь выговор. Ты не справился с заданием, погибли люди. Все обвинения с тебя сняты, ты свободен. Извини, что сразу не вытащил. Была командировка в Лугу, потом нужно было разобраться в твоём деле. Сам понимаешь, что такое в наше время — ратовать за человека со столь серьезными обвинениями. В ход пошли мои связи и твои заслуги... М-да, такое случается нечасто — чтобы нашего брата закрывали за измену, да еще с такой помпой...

Полковник украдкой посмеивался. Хабарову было все равно. Хорошо, что сидел — ноги потеряли чувствительность, голова кружилась. Это тот самый исход, о котором он мечтал?

— Спасибо, Василий Андреевич... — Слова давались с трудом. — Вы должны понимать, что я могу быть виноват в чем угодно, но я не предатель.

— Понимаю, не глуп. — Вышковец сел за стол и пристально воззрился на подчиненного.

— В штабе действует «крот», товарищ полковник. Доставить подготовленных диверсантов в нужный квадрат — дело суток. Эти сутки у них были. Мы не сразу выдвинулись из Кингисеппа.

— Это понятно, — отмахнулся Вышковец. — Соответствующая работа уже ведется, но ты в ней не участвуешь.

— Как это? — не понял Алексей. — С меня точно сняты обвинения?

— А ты себя в зеркале видел?

— Пока нет.

— Вот и не смотри. Зрелище, мягко говоря, печальное. Ты молодой, здоровый, быстро встанешь в строй, но пока, извини, будешь держаться подальше от ответственной работы. Да и пусть шум уляжется. А что касается «крота», то мы действительно работаем. Соблазн назначить им тебя уже преодолен, — полковник не удержался от саркастической гримасы. — Не та ты фигура, Хабаров, и компетенции у тебя маловато — не вхож в нужные круги. И «крот» не Дельцов, уж не обижайся. Шпионаж — дело тихое, а этот всему свету себя показывает. В общем, это не он. Если абвер, конечно, не сменил тактику. Хочу тебя предупредить, Алексей, — полковник сделал строгое лицо. — Набить морду майору Дельцову — дело святое, но постарайся воздержаться. Пусть живет и здравствует. Когда-нибудь получит по заслу-

гам. Натворишь дел — дверца закроется окончательно.

— Хорошо, Василий Андреевич, буду стараться. Я могу продолжать службу?

Полковник не ответил. Он с каким-то затаенным любопытством разглядывал собеседника, словно примерял на себя его шкуру — ведь то, что случилось с Хабаровым, может произойти с каждым. Тот действительно был не в лучшей форме, но ничего смертельного. Выспаться, обильно поесть, выбросить из головы все, что не лечится... Ничего невозможного для советского человека. Вышковец закурил, пространство вокруг окуталось ароматным папиросным дымом. Спohватившись, поднялся, сунул папиросу подчиненному, щелкнул зажигалкой. Не отходил, ждал, пока тот сделает первую затяжку. У Хабарова закружилась голова, Вышковец, посмеиваясь, придержал Алексея за плечи.

— Держишься? Смотри, не падай. Дело рядовое. Из меня осколок в том году извлекали — две недели не курил. Потом послал всех, вышел в коридор, затыкнулся — так все половицы пересчитал. Медсестры поднимали и умоляли не писать жалобу. Сидишь? — Ухмыляясь, полковник вернулся за место. — Есть у меня намерение, капитан, отправить тебя по одному делу. Это рядом, сорок верст.

— Избавляетесь от меня, товарищ полковник? — Обида все же уколола Алексея. — С глаз долой, как говорится?

— Лишь бы не из сердца, — хмыкнул Вышковец. — Да, это не самый ответственный участок, глубокий тыл. Но наша с тобой работа — ловить шпионов везде, где они есть. А там они точно есть. Хотелось бы сразу проинформировать, чтобы два раза не вызывать. Способен слушать и запоминать? А потом иди куда хочешь, отдыхай, спи, строчи жалобы во все инстанции.

— Я слушаю, товарищ полковник, — Алексей усмехнулся. Как из отпуска вернулся — сразу работой загружают.

— Держи, — полковник подтолкнул пепельницу. — Есть такой городок — Гдышев...

— Знаю.

— Помолчи. Пережитые страдания не дают тебе права перебивать. Игнорируешь субординацию — уважай хотя бы возраст... До войны Гдышев — десятитысячный поселок, получивший статус города. Сейчас население сократилось, но безлюдным Гдышев не назвать. Берег Финского залива, тридцать верст от Острова и Усть-Луги, сорок — от Кингисеппа и около восьмидесяти — от Нарвы. Взят в начале февраля — причем лихо.

Алексей помнил. Гдышев взяли одновременно с Кингисеппом. Стрелковая бригада без всякой артподготовки атаковала город с трех направлений. Оккупанты атаки не ждали. Отступать им

было некуда. Гарнизон бился с отчаянием обреченных, но их буквально задавили численным превосходством. Артиллерию при штурме Гдышева не применяли, брали город штурмовыми отрядами — поэтому большинство зданий уцелело. Часть гарнизона пыталась уйти морем на сторожевых катерах. Командиры не растерялись, быстро развернули захваченную минометную батарею и накрыли оба судна. Глубина в бухте оказалась приличной. Один из катеров затонул моментально. «Утопающие» в ледяной воде долго не продержались. Второй тонул мучительно долго, команда боролась за плавучесть судна, солдаты стреляли по берегу. Но двигатель вышел из строя — не дотянули даже до группы каменных островов посреди бухты. В пробоину хлынула вода. Красноармейцы наблюдали с берега, как все меньше остается голов на поверхности...

— Вижу, вспомнил, — кивнул Вышковец. — Места там исключительно красивые — впрочем, сам увидишь. Городок так себе, ничего выдающегося. Из достопримечательностей — бывшая школа абвера, бывшая временная плавбаза советских подлодок и завод «Вымпел», выпускавший до войны парогазовые торпеды «53—38». Благодаря заводу Гдышев и получил статус города. Завод работал до августа сорок первого, эвакуировать его не успели. Подорвать тоже не вышло — надо думать, сработали диверсанты. Немцам завод до-

стался целехоньким. Пытались там что-то делать, наладить производство, а что из этого вышло, история умалчивает. К нам завод вернулся с минимальными повреждениями, сейчас пытаются его оживить. Работают комиссии. Скоро начнут выпускать продукцию. По этой причине он тщательно охраняется, в городе усиленный гарнизон, а вход в бухту перекрыт силами ВМФ — сторожевыми и противолодочными катерами. Я был там пару месяцев назад, полюбовался, так сказать, красотами... Часть бухты загромаждают каменные острова — замысловатый, надо сказать, ансамбль... Летом сорок первого, когда наши отступили из Таллина, там размещались подводные лодки, затем ушли к Ленинграду на оборону города. Немцы там тоже развели активность и все засекретили. Эти острова, насколько знаю, еще не обследованы.

— Долго обследовать кучку камней? — проворчал Алексей.

— Дело не в камнях, а в том, что под ними. Но об этом пусть у ВМФ голова болит. С нашей же стороны... Есть подозрение, что в городе действует агентурная сеть нашего разлюбезного абвера. Что и неудивительно: лазутчиков натаскивали в абверштелле прямо там — никуда и ездить не надо. Школа абвера находилась на улице Кронштадтской. Главный городской объект — завод «Вымпел». Второй объект по значимости — бывшая плавбаза в бухте, но здесь все во мраке. ВМФ сте-

режет объекты от происков извне, мы же работаем внутри... Нужно развивать мысль? Позавчера в городе убили начальника городской милиции Перфилова. Убили тишком, в собственном доме, при этом ничего не похитили. Вчера на крыльце своего дома обнаружили тело товарища Корчинского — он выполнял обязанности председателя исполкома. В этом случае злоумышленники даже в дом не заходили. Сегодня утром, пока ты спал в камере, нашли труп товарища Сорокина, первого секретаря тамошнего горкома. За три дня выбито все гражданское руководство населенного пункта. Словно и не мирное у нас время... Милиция работает, но что с нее взять? И нечего милиции лезть в это дело — как знать, что там всплывет. Я получаю ежедневные сводки от ГБ. Они скрипят зубами, но высылают. Госбезопасность расследование не ведет — у них нет компетентных специалистов. А если хватать всех без разбора, от этого легче не станет. Насколько знаю, убийства не имеют корыстного мотива. Что взять с этих бессребреников? У троицы огнестрельные ранения, стреляли из оружия с глушителем. Отсюда и очевидцев — кот наплакал. Твоя задача — расследовать обстоятельства их гибели. Возможно, убийства связаны с заводом или еще с чем-то. «Вымпел» практически готов к пуску, и мы не можем допустить его срыва или, боже упаси, уничтожения завода. Любая дестабилизация на руку врагам. А ликвидация трех

значимых лиц — уже удар. Шила в мешке не утаишь. В общем, поезжай.

«Похоже на ссылку, — подумал Алексей. — Отправить подальше, и чтобы голова не болела. Кого на самом деле интересуют убийства штатских в глубоком тылу?»

— Я свяжусь с майором ГБ Корбиным, — продолжал Вышковец. — Он возглавляет местное отделение Государственной безопасности, будет оказывать содействие. Отделение ГБ — на улице Советской, она проходит параллельно Кронштадтской. Откуда столько кислоты в лице, Хабаров? — нахмурился полковник. — Полчаса назад ты готовился к расстрелу, а теперь от работы нос воротить?

— Виноват, товарищ полковник, самопроизвольное движение лицевых мышц.

— Так следи за своими мышцами. Сроков не устанавливаю, но дело не затягивай. Возьми с собой пару оперов — только не зубров, сам понимаешь. Молодых бери, пусть учатся сыскному делу. Кстати, лейтенант Казанцев родом из тех мест, и парень вроде с башкой. Действуй. Все приготовь и... можешь отдыхать, а то вид у тебя просто убийственный. Вопросы есть? Тогда чего сидишь, глаза строишь? Может, орден тебе дать — за освобождение полковника Реслинга из советского плена?

ГЛАВА 2

— Да вы не берите в голову, товарищ капитан, — разглагольствовал лейтенант Окулинич, вертя баранку. — Подумаешь, отсидели под арестом восемь суток. Это же не восемь лет, верно? Бывает, ошиблись. Но во всем разобрались, до греха не довели. Мы никогда не верили, что вы способны на предательство. Глупость несусветная. Вас же все прекрасно знают. Так что все отлично, выбросьте случившееся из головы. А за время вашего отсутствия ничего интересного не случилось. Ну а майору Дельцову когда-нибудь воздастся, вот свалится бомба на голову, будет знать...

— Окулинич, будь ласков, заткнись, — взмолился Алексей. — Что ты долдонишь, как попугай, одно и то же?

Окулинич замолчал, щеки покрылись румянцем. Втихомолку ухмылялся на заднем сиденье лейтенант Казанцев. Последнему было 28 лет, Окулиничу — 26. В условиях войны — почти пенсионеры. Большинство и до 19 не доживали. Казанцев родился и вырос в Гдышеве, в 34-м году

уехал поступать в Ленинград, где и осел, окончил технический институт, затем ускоренные офицерские курсы. На фронт попал полгода назад, когда Красная армия вела наступательные действия на Украине. Полтора месяца провалялся в госпитале, перешел на Ленинградский фронт, где наблюдался отчаянный дефицит оперативных сотрудников. Парень был не говорливый, любил работать головой (впрочем, не всегда успешно). Окулинич был проще, но тоже не дурак — крепкий, приземистый, с добродушной физиономией, родом откуда-то из Приморья. В 42-м стал молодым лейтенантом, да таким и остался. Парень обладал интуицией, что и способствовало его выживанию — в отличие от тех, кто и умнее, и званием выше...

Алексей сидел на пассажирском сиденье подержанной «эмки» (все приличные внедорожники убыли на фронт, включая пока еще экзотические штатовские «Виллисы»), мрачно смотрел в окно на меняющиеся пейзажи. Эйфория по поводу освобождения давно прошла — да и не было особой эйфории, так, небольшой душевный подъем и недоумение. Человек — песчинка, расходный материал. И стоит это испытать на своей шкуре, чтобы дальше не удивляться... Утром он столкнулся на лестнице с майором Дельцовым. Разминуться не смогли. Оба встали, исподлобья уставились друг на друга. Кулак чесался просто зверски. Эта упитанная лоснящаяся физиономия так и напрашивалась! Избить до полусмерти, и будь что бу-

дет. Самое противное, что Дельцов не возражал. «Ударь же, — говорили бесстыжие глаза. — Бей, капитан, не бойся, убедительно прошу». И это стало бы концом капитана Хабарова. А глаза завали в открытую глумились: не можешь, трусишь? Он дернул рукой — и Дельцов отшатнулся, страх мелькнул в глазах. Но Алексей лишь отдал честь.

«Здравия желаю, товарищ майор!» — Все по уставу, не придерешься. А излишняя резкость — то же усердие, радость при встрече со старшим по званию.

«Ну, подожди, Хабаров, недолго тебе осталось... — прошипел в спину Дельцов. — Думаешь, нашел себе покровителя, и все обвинения сняты? Мы еще вернемся к нашему вопросу, прихвостень фашистский...»

На эти слова он тоже не среагировал, нашел в себе силы не оборачиваться...

За окном мелькали загородные пейзажи. 5 мая на дворе, природа зеленела. Погода была почти что летней. С асфальтового покрытия давно съехали, проселок петлял между хвойниками и осинниками. Дождей не было несколько дней, проезжая часть имела сносный вид. Но рытвины и колдобины подстерегали на каждом шагу — машину трясло и подбрасывало. Пилить Окулинича было бесполезно — он тормозил на ровных участках и несся там, где начинались буераки.

— Да уж, мастерство не пропьешь, — бормотал Казанцев после каждой зубодробительной встряс-

ки. — Матвей, ты на дорогу, вообще, смотришь? Или только в небо?

Местность между Кингисеппом и Финским заливом была изрезана. Дорога погружалась в балки, заросшие лесом, выныривала на простор. Несколько месяцев назад здесь шли тяжелые бои. Иногда попадались разрушенные деревушки; стаи бродячих собак, озверевших от голода, преследовали машину, бросались под колеса. В такие минуты напрягались, хватались за оружие. Снова тянулись еловые леса, битый транспорт вдоль обочин. На открытом участке громоздились груды железа — буксируемый артдивизион попал под огонь советской авиации, орудия и вездеходы превратились в металлолом. «Пионеров бы сюда завезти, — подумал Алексей. — Быстро бы металлолом собрали и сдали». У развилки Окулинич сделал остановку, задумчиво разглядывал разбегающиеся нити проселка. В итоге выбрал худшую дорогу, радостно ударил по газам. Ветки кустарника злобно застучали по кабине.

— Как решил? — покосился на него Алексей.

— Не знаю, товарищ капитан, — буркнул сотрудник. — Наитие сработало, полезнейшая штука в нашем деле. Да вы не бойтесь, я карту внимательно изучил, у меня все эти направления автоматически в голове отложились. К тому же Олежка Казанцев молчит, значит, правильно едем...

Через несколько минут он вывел «эмку» на сносную грунтовку. Алексей закрыл глаза. Со-

стояние было среднепаршивым. Ломило кости, не проходила тошнота. Дурные мысли безостановочно лезли в голову. Сон пошел на пользу, но лучше бы он неделю проспал. Ссадину на виске замазали в санчасти, уже не саднила. Было трудно ходить, а еще труднее — делать вид, что это не так. Подчиненные все видели, вопросов не задавали. Дорога снова втягивалась в лес. Машину затрясло. В салоне подозрительно запахло бензином. Окулинич вытянул заслонку — тряска уменьшилась.

— Ты смотри, — проворчал Алексей, — сломаемся посреди дороги — в соловьи-разбойники придется идти.

— «Посреди дороги» уже проехали, — заметил с заднего сиденья Казанцев. — Верст двенадцать осталось. Знакомые места, скоро мост через Киржу проедем, деревня там... не помню названия — а дальше на оперативный простор, так сказать...

— Товарищ капитан, а мы надолго в эту дыру? — поинтересовался Окулинич.

— Сам ты дыра, — обиделся Олежка. — Ну да, не самый большой из городов, зато там места красивые, воздух целебный, и один лишь завод «Вымпел» имеет для страны важное оборонное значение... Хотя построили его только в тридцать девятом — меня уже не было, но все равно очень важный населенный пункт.

— Я же говорю, дыра, — хохотнул Окулинич. — Что молчите, товарищ капитан? Мы же не навсегда туда переселяемся? Я, кстати, зубную щетку

забыл. Гражданскую одежду, как вы просили, взял, а щетку — забыл. Так что там задерживаться не будем.

— Распутаете клубок преступлений — и хоть завтра уезжай, — проворчал Хабаров. — Так, вижу реку, товарищи лейтенанты. Это и есть обещанная Киржа?

К сожалению, он был несведущ в этой местности. Запад Ленинградской области не считался чем-то особенным, здесь отсутствовали исторические объекты, центры культурного и общественного притяжения. Край болот, лесов, сельскохозяйственных угодий, редкие населенные пункты — и далеко не каждый назывался городом. Лес отступил, справа пробежали заброшенные хозяйственные постройки, за ними крыши деревушки, увенчанные печными трубами. Показался мостик, переброшенный через речушку. Берега водной преграды заросли ивняком, виднелись обрывы. Густел лес на дальнем берегу. Старые осины расступались, пропуская дорогу. Она петляла между глубокими канавами. Мостик приблизился. Окулинич переключил передачу, чтобы на скорости проскочить переправу.

— Товарищ капитан, в лесу кто-то есть! — Казанцев подался вперед, схватившись за спинки сидений. — Голова мелькнула... кажется.

— И мне не по себе стало... — пробормотал Окулинич. — Заскребло как-то, хотя не вижу ни хрена...

Алексей напрягся. Кто бы стал их поджидать? Он никого не видел, но сердце от тревоги сжалось. Казанцеву не привиделось — человеческую голову с иным предметом не спутаешь. И ведь не развернуться! Проезжая часть слишком узка, начнешь маневрировать — завалишься в канаву, а если и развернешься, будешь как одинокое дерево на юру...

— Окулинич, продолжай движение. Не знаю, что вам почудилось, но придется рискнуть. Назад не выедем. Въезжай на мост, а дальше жми на всех парах. Не забыли пригнуться. Ты тоже, Окулинич...

— Рисуем, товарищ капитан, — побелевшими губами прошептал Казанцев.

— Бывает, Олешка, — хмыкнул Окулинич, — А ты представь, что в том лесу нас поджидает бутылка холодного «Советского шампанского»...

Машина взгромоздилась на мост. Покрытие было дощатым — не придется громыхать по бревнам. Алексей что-то заметил! Кто-то стоял за деревом, и в траве у боярки шевелился человек... Возможно, красноармейцы — патрулей на дорогах хватало, и они не обязаны торчать, как фонарные столбы... Двигатель под ржавым капотом еще не выработал свой ресурс. Окулинич взял с места в карьер! Двигатель взревел, столб дыма вырвался из выхлопной трубы. «Эмка» понеслась, как ракета, скрипя разболтанными бортами, спрыгнула с моста, устремилась к лесу. Трава уже подросла, зазеленел кустарник. Мелькали буераки. Крики

не почудились, на опушке кто-то присутствовал, и намерения у этих людей были не самые дружеские. Мелькнула фигура, кто-то перебежал от дерева к дереву. Человек был в штатском. Вот и соловьи-разбойники! Еще один отлип от дерева, что-то тревожно крикнул, адресуясь к зарослям кустарника. «По-немецки кричит», — отметилось в голове.

Окулинич выжал из двигателя все возможное, направил машину к лесу — сворачивать здесь не требовалось. Ветер свистел в открытое окно.

— Ложись! — дурным голосом закричал Алексей, одновременно сползая по сиденью.

Бестолковых в салоне не оказалось, инстинкт самосохранения работал. Казанцев повалился на сиденье — ему с избытком хватало места. Пригнулся Окулинич, треснулся виском о баранку, выругался. Затрещали автоматы, разбилось заднее стекло. Кто-то бежал, хрустели ветки под ногами. На такое «коварство» жертв эти люди не рассчитывали. Несколько пуль попали в машину, пробили кузов, но пассажирам повезло. Стреляли из МР-40 — оружие среднее, дульная энергия невысокая... «Эмка», окутанная смрадным дымом, влетела в лес. Окулинич своевременно высунул нос из-за приборной панели, ахнул — дерево стремительно летело навстречу. Он выкрутил руль, возвращаясь на проезжую часть, обернулся.

— Товарищ капитан, за нами бегут! Их трое! Вот черт, гранату бросают!

— Спрячься, дурень! — Алексей схватил лейтенанта за плечо, дернул.

Тот успел вписаться в поворот, прежде чем рухнуть на коробку с трансмиссией. Прогредел взрыв. Машину подбросило, кажется, отвалился задний бампер.

— Колесо пробили, сволочи! — с обидой в голосе вскричал Окулинич. Ладно, хоть голову не пробили.

Машина по инерции продолжала движение, кондыляла, словно пробитое колесо вдруг стало квадратным. Алексей привстал, вывернул шею. Чертыхался Казанцев, выдергивая из-под сиденья зажатую ногу. Заднее окно покрылось трещинами, но не разбилось. Поворот проехали, отдалялся кустарник, огибавший проселок. Бегущий противник еще не показался, но обязательно покажется.

— Товарищ капитан, не могу держать дорогу, сносит, — прохрипел Окулинич.

Он вцепился в баранку, с кончика носа катились капли пота. Машину швыряло по всей проезжей части, от столкновений спасали жалкие сантиметры.

— Тормози! Всем разбежаться, залечь, действовать по обстановке!

Дальше начинался цирк. Или продолжался? Забылось все, что Алексей недавно испытывал, — больная голова с тошнотой, кости, ливер, грусть-тоска... Лучшее средство от подобных состояний — спасение собственной жизни!

Окулинич резко выжал тормоз, швырнул рычаг в нейтральное положение. Израненная «эмка» застыла, упираясь капотом в переломленное дерево. Захлопали двери, оперативники рассыпались вдоль дороги. Алексей перескочил лужайку, пополз по жесткой папоротниковой поросли, перевалился через огрызок ствола. Несколько секунд — и стало тихо. Заглох двигатель. Молчали лесные птицы, напуганные шумом. Но вот одна из них вопросительно чирикнула. Залилась трелью другая, третья, и снова все пришло в норму. Пичужки пели, прыгали с ветки на ветку. Алексей приподнял голову. Машина находилась в двадцати метрах — кривобокая, с распахнутыми дверьми. Ее частично закрывала масса сырого валежника. Все попрятались — ни одной живой души. Капитан застыл, глаза обследовали участок леса. Кряжистые искривленные деревья соседствовали с тонкоствольным молодняком, усыпанным листочками. Многие деревья отжили свой век, загибались, теряли кору. Что-то чавкнуло. Хабаров не двигался. Он не видел товарищей, но они далеко убежать не могли. За машиной возник силуэт. Кто-то перебежал, присел за раскуроченным бампером. Выразительно обрисовался ствол автомата. Удивление не проходило: что бы это значило? Сомнительно, что эти люди поджидали любую машину, знали, кого пасут. Но зачем караулить группу офицеров, едущих в заштатный городок для расследования

чего-то незначительного? Или оно не настолько незначительное?

Человек укрылся за машиной и больше не встал. Справа обозначился второй. Он шел на цыпочках, выставив ствол, переступал сухие ветки. Прижался к стволу, махнул рукой. Появился третий. Он двигался гусиным шагом, забавно выворачивая бедра. Потом опустил на колени, заполз под боярышник. Его товарищ оторвался от дерева, сделал шаг. Под ногой предательски хрустнула сухая ветка. Мужчина поспешил обратно за дерево. Реакции не последовало, мужчина был озадачен. Показалось его лицо — вытянутое, бледное, украшенное горбатым носом. Щеки и подбородок заросли щетиной. Он покрутил носом, снова рискнул шагнуть. Незнакомец носил короткое пальто, мешковатые брюки, хотя выправку имел явно военную. Волосы скомкались, череп раскали две глубокие залысины. Он был стопроцентный пруссак, ничего славянского в нем не было. Еще и бледный, как мертвец со стажем... Субъект твердо стоял на земле, подогнув колени. Голова медленно вращалась, глаза рассматривали детали ландшафта. В какой-то миг его взгляд уперся в дырочку ствола. Выражение лица не изменилось, он глянул выше — в «доброжелательные» глаза советского капитана. Тень досады омрачила его лицо. И все же он сделал попытку спастись, резко вскинул автомат. ППШ выплюнул очередь. Мужчина повалился в хворост, на его лице так и осталась

grimаса досады. Загремели выстрелы — стреляли из-за машины, из кустарника с правой стороны. Именно там началась схватка. Кустарник затрясся, там кто-то кричал, возились люди. Громко хрустнуло, настала тишина. Алексей ждал, что произойдет дальше. Он волновался, с его лба тек пот.

— Готово, товарищ капитан! — донесся слабый голос Казанцева. — Я ему череп проломил к той-то матери...

— Не вставай!

Предупреждение было кстати. Тот, что прятался за машиной, все видел и слышал. Он возник в полный рост, открыл огонь из автомата. Пули стали крошить хворост, рвать кору. Но порезвиться ему не дали. Хабаров открыл огонь, и Окулинич, оказавшийся слева, без дела не сидел. Противник убрался, снова скорчился за капотом. Он лихо-радочно перезарядил автомат, отбросил пустой магазин. Затрещали ветки, Окулинич прыжками помчался к машине. Противник показал нос, стегнул очередь. Но лейтенант уже катился за дерево. Снова возникла пауза.

— Казанцев, ты жив? — выкрикнул Алексей.

— Не знаю, товарищ капитан, пока не разобрался, сложно все... — В кустах опять завозились — на этот раз молодой сотрудник боролся сам с собой.

— Ты что там делаешь, Олежка? — хихикнул Окулинич. — Прическу?

Хохот клокотал в груди. Казанцев вернулся в боевое состояние, выполз из кучи веток. Пророкотал автомат. Пули застучали по капоту.

— Эй, не хулигань! — встрепенулся Окулич. — Нам еще ехать на этой кобылке!

Имелись опасения, что на этой кобылке теперь далеко не уедешь. Хорошо хоть бензобак не прострелили. Офицеры с трех сторон подбирались к машине, ведя прицельный огонь. Противник дважды высунулся, избавился от нескольких патронов. Он, видимо, понял, что скоро его зажмут. Обрисовалось бледное лицо с распахнутыми глазами, он вскочил на свой страх и риск, стал поливать во круг огнем. Офицеры залегли — на пожар, в принципе, не опаздывали. У противника сдали нервы, он начал пятиться, строчить из автомата, держа его на вытянутых руках. Отступить он мог только к опушке. Это не добавляло ему шансов сбежать. Впрочем, козырь в рукаве он припас. Возникла граната — ребристый комок металла — лимонка! Он швырнул боеприпас и пустил наутек по дороге. И правильно сделал, по лесу он бы далеко не убежал. И ведь обхитрил, поганец! Пришлось лежать, ждать, пока разлетятся осколки. Взрывная волна ощутимо тряхнула. Враг уже отбежал метров на тридцать. В автомате кончились патроны, он избавился от оружия и стал улепетывать налегке. Он был одет в залатанные штаны, в старый клетчатый пиджак без пуговиц. Пули его не брали.

Окулинич первым вылетел на дорогу, перемахнув через капот, рванул прыжками. Остальные бросились за ним. Брать живьем и хорошенько допросить! Мужчина озирался, и это влияло на его скорость передвижения. Но все равно он стремительно уходил. «На что надеется?» — мелькнула у Алексея мысль.

Беглец вырвался на открытое пространство. К мосту не побежал — там бы ему не повезло. Он бросился наискосок — к зарослям ивняка, склонившимся над обрывом. Когда оперативники высыпали на опушку, этот резвый олень уже вонзился в растительную массу. Шансов уйти было мало (разве что по дну доползти до того берега), но все же он решил попытать удачу.

— Огонь! — закричал Алексей.

Мысли о приятельской беседе приходилось сворачивать. Били плотно, из всех стволов, распотрошили тальник. Пробились через заросли, высыпали к обрыву. Взорам предстало «умиротворяющее» зрелище: на воде лицом вверх, раскинув руки, лежал труп. Он мерно покачивался, уплывая по течению. Рот и глаза были широко раскрыты. Мужчина был молод, спортивно сложен — чем и объяснялась его подвижность (при жизни).

Окулинич ругнулся, вскинул автомат и вогнал в мертвеца несколько пуль. Тело на мгновение ушло под воду, вынырнуло, поплыло дальше — теперь уже лицом вниз.

— Думаешь, притворяется? — Алексей иронично покосился на сотрудника.

Окулинич вздохнул, забросил автомат за плечо. Выпала минутка полюбоваться речными картинками. Казанцев что-то пробормотал про «плывущий по реке труп врага».

Оперативники вернулись к машине. Никто не пострадал. Долго чистились, приводили себя в порядок. Досадно, конечно, предстать перед обществом в Гдышеве, пребывая в таком неприглядном виде. Казанцев стал искать фуражку, нашел ее, признав правоту товарищей: в любой непонятной ситуации используй специальный ремешок на околыше, и головной убор останется при тебе. Тела врагов реанимации не подлежали, начали коченеть. У одного был расколот череп (Олежке под руку подвернулся камень), другой получил три пули в грудь. Обоим было от тридцати до сорока. Документов в карманах не нашли, только курительные принадлежности; а у типа с горбатым носом — еще и чистые носовые платки во внутреннем кармане.

— Как вы думаете, товарищ капитан, кто они такие? — спросил Окулинич.

— Говорили по-немецки, — пожал плечами Алексей. — Выводы делайте сами. И рожи не больно славянские. Гадать бессмысленно, парни. До Гдышева осталось километров шесть, видимо, оттуда и прибыли.

— Как это? — не понял Казанцев. — В Гдышеве вроде наши. Там еще и флот.

— Значит, мы чего-то не знаем. Спросите что полегче, парни. Если не из Гдышева, значит, из других мест, хотя поселений в районе кот наплакал. Могли прибыть на машине, где-то ее спрятать, но не хочется искать автомобиль. Машина ничего не даст.

— Вы же понимаете, товарищ капитан, что караулили именно нас? — мрачно подметил Казанцев. — Не похожи эти черти на разбойников с большой дороги. Военнослужащие Красной армии здесь ездят нечасто. А если ждали нас, то возникает второй вопрос: как узнали, что мы поедем?

— Есть еще третий вопрос, — сказал Алексей. — И он важнее будет. Что такое происходит в Гдышеве, что туда не хотят пускать контрразведку?

Вопрос был интересный. Сотрудники молчали. Казанцев что-то вспомнил, убежал к машине, вернулся с фотоаппаратом «ФЭД», настроил выдержку, диафрагму, сделал снимок трупа. Потом приблизил объектив к мертвому телу, еще раз щелкнул затвором. Побежал в кусты — запечатлеть второго. Сделал там несколько кадров и вернулся.

— Молодец, — оценил старания Олежки Алексей. — Правильный поступок. Откуда фотоаппарат?

— Мой, — смутился лейтенант. — Нет, правда, товарищ капитан. Военкор в прошлом месяце приезжал, щелкал этой штукой. Я ему предложил

на «лейку» обменять — он согласился. Считал, что иностранная техника работает лучше нашей. Но это вопрос спорный. А «лейка» мне по наследству перешла — от одного мертвого штурмбаннфюрера. Вот и таскаю теперь эту штуку с собой.

— Пленка хоть есть? — оскалился Окулинич.

Малоформатные дальномерные «ФЭД» выпускались в стране с 34-го года. По форме и содержанию они практически не отличались от немецких «леек».

Трупы решили оставить на местах, пусть удобряют родную землю. Перспектива пешей прогулки не окрыляла. Машина представляла собой жалкое зрелище. Но самое странное, что она завелась!

— Ласточка ты моя, умница, девочка... — восхищенно пробормотал Окулинич, извлекая на божий свет запасное колесо.

Его монтировали всем составом — домкрата почему-то не оказалось, подняли машину своими руками, уложили на разлапистую корягу. Потом повторяли ту же процедуру — с новым колесом. Кузов был пробит в нескольких местах, часть стекол отсутствовала, но это не страшно, май месяц на дворе, и не такие развалины использовали!

Окулинич задумчиво почесал затылок, глядя на отвалившийся бампер. В принципе, он держался — с одной стороны, а вторая волочилась по земле. Оторванный конец бампера Окулинич примотал проволокой, подергал, вроде держится.

— И разве я не мастер на все руки? — хвастливо заявил он.

— На всю голову ты мастер, — проворчал Алексей. — Все, поехали, нечего любоваться.

К посту подкатили через пару километров. Проселочная дорога влилась в грунтовку, ее и оседлал мобильный патруль на советских мотоциклах. Все пятеро выставили автоматы, настороженно наблюдали, как приближается разбитая машина. Двое вышли на дорогу, стали прозрачно намекать на остановку.

— Кто такие? — заорал усатый сержант. — Документы! Кто стрелял?

— Мы стреляли, — проворчал Алексей. — И в нас стреляли.

Красные удостоверения с магической надписью НКО ГУКР СМЕРШ подействовали безотказно. Бойцы подтянулись, сделали любезные лица, но оружие не опускали.

— Непорядок в вашей волости, сержант. — Хабаров вышел из машины размять кости. «Эмка» после переделки удобнее не стала — кресло перекосилось, вылезли внутренности, и теперь сидеть на нем было то же самое, что на зубчатой ограде.

— Что случилось, товарищ капитан?

— Вашу работу выполняли, сержант, — обеспечивали безопасность на освобожденных территориях. Ладно, не бледней. Разбойники напали — попутали чуток. Район моста. Можете не

выступать, все равно ни черта не поймете и трупы не найдете. Но бдительность рекомендую усилить, если собственные жизни интересуют. Далеко до Гдышева?

— Три версты, товарищ капитан, — сержант дернул подбородком в сторону дороги. — Другой дороги нет, только эта. Была еще одна через село Покровское, но там проезда нет, обрыв осыпался, и всю проезжую часть завалило.

«Вот поэтому и знали, где мы поедем, — подумал Алексей. — Устроились с удобством, ждали, вот только что-то пошло не так».

— Можем ехать, сержант? Или еще вопросы есть?

— Да, конечно, товарищ капитан, — старший наряда невольно вытянулся. — Больше никаких вопросов, счастливого пути, и... будьте осторожны.

Городок оказался не таким уж захолустьем. На оставшемся отрезке дважды проверили документы, изумленно разглядывали машину, превратившуюся в дуршлаг. Всезнающий старший сержант посоветовал съездить на улицу Лермонтова — там, в гаражах райкома партии, работают толковые мастера, могут приварить бампер — если по дороге окончательно не потеряется. Корочки контрразведки работали, открывались все двери, ворота и даже незаметные калитки. На всю дорогу ушло четыре часа («Бегом быстрее бы добрались», — подсчитал Казанцев), во второй половине дня машина въехала на холм, остановилась. Окулинич повозился с мотором, что-то подлил, подтянул,

сказал пару магических слов — и присоединился к товарищам, наслаждающимся видом. Было красиво. Прибрежный район затянули облака — к счастью, не дождливые. Дорога убегала вниз по пологому склону. Город Гдышев уютно расположился в глубокой бухте, до него с вершины холма было километра полтора. Бухту окружали хвойные леса, замысловатые скалы. От западной оконечности до восточной — еще версты три. Слева, в самой высокой западной точке бухты, возвышался маяк, видимо нерабочий. На востоке в бухту врезался глубокий узкий залив с крутыми берегами и стройными корабельными соснами. Ущелье находилось в стороне от города — за восточными предместьями. В центре бухты, метрах в семистах от берега, наблюдалось очередное природное чудо — скопление каменных островов. Там не было растительности, только голый камень — самых причудливых очертаний и габаритов. Между островами переплетались узкие протоки. Виднелись провалы пещер и гротов. За островами на рейде стояли катера — сторожевые, торпедные. Их было немного, но вход в бухту они надежно перекрывали. Море колыхалось, вздымалась гигантская седая равнина. У причалов под защитой молов и волнорезов стояли суда — преимущественно катера военно-морского флота.

— Впечатляет, товарищ капитан? — усмехнулся Казанцев. — Моя малая родина. Здесь я в школе учился, первый жизненный опыт приобретал.

Впоследствии приезжал пару раз, ну так, в плане ностальгии.

— Родные остались в городе?

— Нет, товарищ капитан, никого не осталось. — Сотрудник погрузился. — Отец погиб, когда я еще мальцом был, он в рыбной артели трудился, крапом придавило. Мама нового спутника жизни не нашла, в тридцать шестом заболела пневмонией и тоже скончалось. Я приезжал, похоронил ее. Мы жили в комнате в бараке, жилище после ее смерти отошло рыбзаводу, где она работала бухгалтером. Я не в претензии, у меня свое жилье, тоже комната в коммунальной квартире на Петроградской стороне, вот только давно там не был.

— Понятно, — кивнул Алексей. — Что там справа?

— Щучий залив. Мы там в юности со скал в воду прыгали — чтобы нервы пощекотать и девченок впечатлить. Сейчас как вспомню, так мороз по коже. Высота одуренная, страшно. Однажды животом о воду ударился, чуть дух не вышибло... Залив шириной метров семьдесят, глубокий, зараза, там тоже скалы, крутые обрывы. В тех краях ничего нет, местные редко приходят — дурная молва про Щучий залив ходит: в прежние времена много народа там померло. Однажды упавшая скала целую рыбацкую шхуну накрыла. Раньше в Щучий залив рыба заходила из бухты Сарыча — ну, так она называется, эта большая бухта. Лопатой можно было рыбу грести. А сейчас кого она интересуется? Может,

и ставят мужики сети, если их военные не гоняют. Тут вообще во всей бухте глубина порядочная — сколько кораблей за всю историю затонуло... Есть и мели — одна из них на входе в Щучий залив — вроде кораллового рифа, барьер такой. Во всех же остальных местах — просто пучины, раздолье для подводных лодок. Горка из островов, что в бухте — Уварова гряда. Мы в детстве на лодках туда плавали, пока моряки эту территорию себе не прибрали. Вот там благодать — в войнушку играть. Прямо под скалами глубина немереная, подземные пещеры, гроты, галереи — чего там только природа не наделала. Наши подлодки, когда из Таллина в сорок первом отступали, временно здесь стояли — проходили ремонт, заправлялись, новое оружие на них устанавливали. Не удивлюсь, если в глубине архипелага найдется надводный причал со всеми положенными доками и складами.

— А как тут с культурной жизнью? — спросил Окулинич. — Ну, кинотеатры, рестораны, общественные бани имеются?

— Может, тебя и в женском общежитии поселить? — нахмурился Хабаров. — Договоришься, боец, станешь вечным дневальным.

— А что? — встрепенулся Казанцев. — Не службой единой, как говорится. Ресторан «Калина» раньше на Советской работал, там же кафетерий и пельменная. Кино крутили в ДК имени Фрунзе, общественная баня работала в Банном переулке... Даже спорткомплекс свой имелся, а в нем — бас-

сейн. Здесь все несложно, товарищ капитан. Видите доки, причалы, портовые сооружения? Это улица Морская, она петляет вдоль береговой полосы. А большинство других улиц, что проходят сквозь город, в эту Морскую и вливаются. В центре три улицы, вон они, — Казанцев тыкал пальцем в сторону улиц, — Народная, Советская и Кронштадтская. Немцы, пока хозяйничали, видать, переименовывали что-то, но это я не знаю. Наши названия все равно вернулись. На этих улицах нормальные жилые дома, школы, органы власти. Остальные — периферийные, с бараками, частным сектором: слева Баррикадная, Трудовая, справа — Зыряновская, Лермонтова. Между ними — переулки, проезды, частные дома вперемешку с двухэтажками. Завод — на Зыряновской, его отсюда хорошо видно. Помню, как в тридцатые сносили бараки, частные хибары, освобождали территорию. Людей переселяли на западную окраину — строили для них новые бараки, дощатые избушки. «Вымпел» возник через полтора года — выросли цеха, заводские трубы, периметр окружили двойным кирпичным забором, ввели режим секретности. Но всем известно, что там торпеды для подлодок производили. Немцы пошли — готовую продукцию успели вывезти, а вот производственные участки не взорвали. С одной стороны, и лучше — заново восстанавливать не нужно.

— Ладно, поехали. — Алексей выбросил окурок. — Познакомимся поближе с аборигенами.

ГЛАВА 3

Отделение районного управления госбезопасности находилось на улице Советской, в добротном двухэтажном особняке. Постройка — явно прошлого века — имела отношение к купечеству или другим мироедам. Первый этаж был выложен из кирпича и окрашен в цвет высохшей крови. Второй — бревенчатый, с резными ставнями и карнизами, плохо сочетающимися с представлениями о серьезности обосновавшейся здесь организации. Но адрес был точен, на входе висела табличка, там же прохлаждался часовой и удивленно смотрел, как во двор въезжает, громыхая, покаленная «эмка».

Контора располагалась на первом этаже. Двери кабинетов, выходящих в коридор, были закрыты, доносились голоса. Штат конторы, как и везде в тылу, раздутым не был. Шум с улицы сюда не поступал. Покой хранителей государственной безопасности стерегли толстые стены и зеленые насаждения между зданием и дорогой. В приемной сидела миловидная секретарь средних лет в

сером платье с кружевным воротничком и стучала по клавишам «ундервуда». Сотрудники остались в коридоре, Алексей вошел один. Секретарь прервала работу, вопросительно уставилась на пришельца. Ей было лет сорок. Завитые волосы красиво стекали на плечи, моргали большие глаза. Расползеть она еще не успела, имела вполне приемлемые очертания.

— Здравствуйте, товарищ... — У секретаря был любезный, но какой-то механический голос.

— Главное управление контрразведки. — Алексей достал удостоверение, подержал в развернутом виде перед курносом носом. Лицо секретаря сделалось каким-то отсутствующим.

«Надеюсь, не будем бодаться и выяснять, кто нужнее для страны», — подумал капитан.

— Прибыли в ваш город по приказу командования для выполнения задания. Майор Корбин на месте?

Можно было и не спрашивать. Из кабинета доносился визгливый голос, срывающийся на крик. Начальник отделения кого-то распекал, возможно, по телефону. Выдержкой и хладнокровием местное начальство не отличалось. Секретарь смутилась и опустила глаза. У нее были длинные ресницы. «Не замужем, — подумал Алексей. — У замужних дам отсутствует влажный блеск в глазах при виде подтянутых военных».

— Да, Борис Михайлович на месте, — быстро сказала секретарь. — Присядьте, я передам, что вы прибыли.